
Елена Сомова
Играю на скрипке
в пустыне
Стихи
и Проза

Елена Сомова

Играю на скрипке в пустыне

«Автор»
2026

Сомова Е.

Играю на скрипке в пустыне / Е. Сомова — «Автор», 2026

Стихи Елены Сомовой лиричны и глубоки философскими рассуждениями о современности и жизни в России 21 века. Автор имеет крепкую почву и опыт в стихосложении, и заоблачные полеты так ценны для поэта, что не витать в облаках Елена не может, и читателю остается ловить ее в полете и получать несоизмеримо ценные ответы на вопросы бытия, жизни души и Бога в сердце.

О своей прозе Елена Сомова высказалась так: " Эти истории родились из личного опыта и долгого разговора с реальностью. Я не хотела молчать. Это про честность и силу, а не про способ публикации. В этой книге — правда о том, как система давит на самых уязвимых. Реальные истории, которые невозможно забыть, особенно в таком жанре как социальная сатирическая антиутопия". Образ музыканта в пустыне сложился из антиутопической метафоры одиночества в фильме "Кин-дза-дза". К обложке автор сочла необходимым поставить фрагмент картины Алексея Пашкевича, схожей по художественной интонации с опубликованными в ее книге стихами.

© Сомова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Елена Сомова
Играю на скрипке в пустыне

Глава

Играю на скрипке в пустыне

Елена Сомова

Стихи
2026 год

Елена Владимировна Сомова (род. 2.08.1966, Горький) — поэт и прозаик (сатира, лирика, антиутопия, социальная философия). Окончила филфак ННГУ им. Лобачевского.

Лауреат премии «Российский писатель»—23 (номинация «Критика»), призёр конкурса «Дуэнде Лоркиано»—23 (3—е место). Финалист конкурса им. Д. Симонова «Есть только музыка одна»—21, лонг—лист премии им. Ф. Искандера (2020, 2024). Публиковалась в «Российском писателе», «Клаузуре», «Топосе», в альманахах «45 параллель», «Причал», «LITERRA» и др. изданиях, в т. ч. в Германии.

Высшие откровения

Прошелестела шелками птица невиданная с табличкой прокаженных на шее, пробёг ураган тщеславия с нею перед параллелограммом ценных культурных обретений, и свет изведанных планет притянул крохотные звезды Вселенной, четко по две одновременно вбирающие тот зачарованный мир восторга созидания, чтобы в ответ выдать себя своим светом.

Излучения добра витали в поисках, куда бы примоститься и включиться в потоки, овивающие Землю. Добро рождается выше, оно по природе трансцендентно.

Субъект ленивый и субъект изворотливый парили веники, топили баньку, прикрывая тазами сверкание медалей по стенам, дающим радужные колеса сквозь пелену Млечного пути.

Комета Галлея летела параллельно космическому кораблю с хвостовой антенной, улыбаясь миру цельным своим мировоззрением, предержащим ноосферу подобно Атланту, чей океан шевелился у ног заступника за мир против войны. Атлант оказался покорённым силой великомучеников, чье темное сияние заглушало мгновениями наплывов их импульсов свыше. Великомученики всегда выше на чашах весов, их пути священны, а помыслы идеальны в проекции на удушливый мир, где напирает направленность на самоуничтожение отдельных ярких звезд, чья природа поглотила в себе все высшие сияния.

«Да, сиять надо вовремя и не в подвалах разложения нравов», — думала Галлея, а сама приостанавливала плавники в полете и дирижировала ими, создавая вихревые потоки рождений атмосфер для питания фанатиков. Это на мгновение задерживало ее в пути, не давая раньше времени радуги взрыва в соприкосновении с разбиваемой плоскостью.

Галлея торжествовала, и это ее торжество порождает новое око в предстоящих веках.

Младенческое счастье карабкается в гору, вещая миру оттуда о себе, любимом всеми галактиками.

В соприкосновении с вечностью выплетается в воздухе эхо мира, зарожденного в победе над битвами, над зверством и лютым управлением кнопкой, пультом, не душой мирового согласия. Мир сформирован таким, и сам движим извне, зарождаясь ранее войн в звездном уюте возрастания уровня океана.

Физическое тело шелков птицы визуализировано за счет керамики шейных табло, дающих звуки черепков скорлупы яйца, откуда вышел геополитик. Патриархальное эмоциональное насилие стало его инструментом, и модельные экземпляры чахли от злости на личных подиумах.

Галлея с торжеством победителя восставала над скорлупами тщеславных потомков, чей разворот напротив грациозно пропедалировал по воде и скрылся за поворотом бархана, создавая лучи спицами колесницы, отраженные в облаках. Она уже знала о том, что небесные ванны для зрения больше подходят, они полезнее, чем приветы от узурпаторов с вожжами в руках. Потесненная вечность густо взошла над единственной в мире крышей и прочла мой «Парадиз» вслух:

«Поэзия как фактор сопротивления цвела изнутри, эту кровавую рану в лучах солнца затягивало ненадолго, но при каждом прикосновении внезапная боль не давала осечки, и точной стрелой просветляла мир визуализацией света».

И замолчала среди глубинного мычания молочных коровок божьих, чьи транспаранты походили на табличку прокаженных с шеи шелковой птицы в максимальном для пространства объеме. Цвела магнолия. Чах песок, в солнечных лучах высыхая от океанской влаги, напитав-

шей его во время перелета по галактике всесильных. Протуберанцы отлива укорачивали речь для провозглашения. Черепки скорлуп забрала забытая сила гнева, раскрыв под океаном сундучный подвал для драгоценностей, откуда в океан протиснулись освобожденные великомученики.

Симфония дождя
Переполняя душу,
лечит грусть
дождь, — ты подслушай
мамино варенье
из вечности
на уровне терпенья
и бесконечности.

Кипение дождя в крови рябин,
в кленовой снеди вязкого сиропа,
где утонула ложка именин,
и сахар жженый — та же позолота.

Переломилась астр живая плеть —
пылая, звезды под дождем в великолепии
нахлынули — да и давай звенеть
созвездиями и соцветием.

В ряду микстур от смерти — тот же дождь
и омовение души прозрачностью.
На мраморе любви танцует плоть
незримой однозначностью.

Порхающей листвы стремленье перегнать
слова из жизни с повторением.
Не устает меня зайчонок звать,
как нежностью переполнение.

Музыка дорогого волшебства —
сердечных тайн терпение —
сквозь ливни жизненного естества
и умиротворение.
11 сентября 2026 г

***
Свистало, витало, рвалось, но вдруг рухнуло разом
тончайшим помолом на сказочный город,
который по осени вымыли первоначально
высокие ливни слезами, как боль и зараза.
Потом до снегов всё всхлипывало случайно,
и камни дробил отбойный грозовый молот.

И мир успокоился. Камни песком уснули

и жемчугом неба — тончайшим бумажным помолом
накрыло весь мир и войну с индульгенцией пули,
отмоленной воинствующим богомолом,
с тончайшими лапками бронзовым насекомым,
живым подражаньем души моего человека,
влюбленного в ульи, гудящие временем стойко,
не ведающие о временах и надстройках.

И в бархатных венчиках осы мельчились под снегом,
как слезы о нежности с перманентным ночлегом.
Там топал трамвай, разбивая и сны, и грезы,
И только слова оставались. Слова, как мимозы
пушистые точки, расставленные человеком
по судьбам, по душам, по войнам, по гульбищам века.

Здесь всё попустительство крыло мельчайшим помолом,

но лапки молились воинственного богомола.

***
Не уходи, дыхание мое!
Теплей свечи на плахе — только вздох,
и ты роняешь свет остатних крох
присутствия
двух ангелов.
Споем
с трубой Архангела,
на три седьмых
раскрыв себя, как смысл японского панно, —
кричат пробелы страстью, как в кино,
и тянут корд, оставив нас одних
в весенний час. Весна всего лишь час,
Когда снегами сакура зажжет,
мы полетим, внедряясь в свет, полет
снегами охладит пыланье в нас.
Ты помолись опять за легкость крыл,
Мерцание в пути высоких звезд,
И чтобы этот сокровенный пыл
Цветами вдохновения пророс.

***
Читай—читай, я сладко надышу
лавину нежности,
раскрытой всем ветрам,
Зефирный воздух снегом распишу.
Бегущий солнца луч, рассвет меж скал,
И в белой вазе вязаной пломбир
Разносят облака по всем домам,
В которых птичьи песни

в ловле крыл
перебирает ветер по часам.
И снежные кораблики плывут,
подгонит их дыхание мое.
Когда же вспыхнет неба окаём,
нечеткость форм увидим мы вдвоем.
Перебери дыханием лучи,
нам вяжущие тайную зарю,
Тогда вслух скажем: «Я тебя люблю».
Прочти скорей, что ветер начертил.

***

Какая пудра на мозги!
Снег, мне диктуемый стократ
вместо любви, аристократ,
ложится в гравий, и ни зги.
Ночь, как выкалыватель глаз,
как наизнанку тот же свет,
но вывернутый, каждый раз
мне башни рушащий в ответ…
Надежд угрюмые нули
кладут терпению пути
и предлагают посветить,
где пользы нет, туда идти.
Замерзшим звоном тростника
ложь упоительно звучит,
но эта песенка не та,
что в сердце, прижилась, кричит,
как мой младенец … лет назад
отматыватель крутит лент
огромный свиток, пленку лет,
где сказки рая – только ад.
И в этой бане смотровой
в пять луп и в зеркало глядят,
как дохнут вирусы, спиной
в кружок сворачивая яд.
В долгу у времени, в плену
дел, отмирающих в мечтах,
чтобы не получить свой прах,
как боги Греции живу.
Срывая лист календаря,
погодных красок смены ждать
немыслимо. Иду забрать,
что накидали,
серебря
кленовых бивней в щедрый сад,
косые ливни. Там стократ
сильнее мысль у тайных врат.
Совсем немного счастья звать.

Посвящение Герману Гессе через время
1.
В пустом краю низринутого Бога
Я создал свет в глазах моей отрады,
Держа за рог быка и носорога,
Я ничего в его дали не ведал,
Но изучал небесные шарады.
Я никого из мира грез не предал,
Мир предвещал рассвет мне и парады.
Людей, крылатых от рожденья, надо
Держать поближе к небу, им давая
Размах для крыльев, чтобы спеть победу,
Не дожидаясь ни зимы, ни мая —
Сейчас — весенней осенью, в прохладе
И свежести, ища любви по следу
Ночных цветов в глазах, даря усладе
Свой первозданный облик, — пусть награде
Себя подарит. Будем Архимеду
Нести победы, сочиняя гимны
Стране Иллюзий, расплетая длинно
Язык и косы, будто ей повинны.

2.
Через «ряды долин ночей пустынных»
Я слышу восклицанья древа страсти, —
Опять грядут игривые напасти
И притяженье вне времён, мне дивных.

Короче нет покрова, чем ночь юных, —
В иные небеса постыдно плюнуть,
И юность моя светлая приходит
Из времени хорошенькой погоды,
Где краем берега и шуток хороводят
Птиц водоплавающих семьи, чьи здесь воды
Впадают в Ганг, и навлекая дюны,
Пускают стрелы в путь, когда мы юны,

И жизни разлинованы постройки,
И войны нам никак не угрожают.
Родник успеха распевает бойко,
Как женщина болтливая рожает
И делится поэмой — силой воли —
И небо этой силой награждает.

Плетется жизнь, как маленький ребенок
За мамой — покормить красивых уток,
И цвет листвы по крыльям — спектры солнца
Толкают ввысь — вот так надо бороться.

За мамой воду лапами утенок
Поспешно разгребает и не крикнет,
Обожествляя притяженье связи.
Вот этот, желторотый, он с пеленок
Усвоил нить ведущую. На выкрик
Стремится к цели. Круг его эмоций
Не здесь, в болоте, среди свежей грязи.
А выше истуканов кочек, тёрна
И мягкой глины, из нее стремятся
Лепить подобия, добыть оваций
И звука торжества из горна,
Когда победы ленточки струятся.
Когда победы ленточки струятся
И хохолок в ветрах не так покорно
Идет за генами — по венам силы длятся,
И возникают хитрые паяцы,
Провозглашая Бога Солнца.

Новогодний ангел
На солнышке и в бархатном тепле
уснул котенок, говоря во мне
о плавном танце крохотных утят,
что на меня, как солнышки, глядят.
В тумане лет зажгла я фонари
для исполнения желаний: раз—два—три,
и даже в зимний день горят они,
сверкая кладами, что шепчут изнутри.

Сияй, мой ангел, говори со мной
птенечьим чирканьем, улыбчивой зарей,
когда шаги любви ко мне спешат,
и ландыши в душе моей дрожат.
Пылающих надежд горит звезда,
Сверкает, как полночная вода.

***
В высокой глубине небес
таится деревянный лес
и кружева снегов прозрачных,
пока мед жизни не исчез,
лови свой новый интерес,
любовь, духовность, однозначно
веди по краю белых крыш
взгляд. Ты для Господа — малыш,
ребенок человека, длящий
собой преемственность добра
и простоты, как дважды два —
поток тепла, как срочный ящик
небесной помощи. Внемли

гармонии, перебери
по веткам лес добра глазами,
и с вечера и до зари
лес отвечает, — посмотри, —
пылающими снегирями.

***
У расклеванных рябинных сердечек глаза оленя,
Серебристый шквал поздравлений в чешуйках рыбьих,
Мелкой радугой кружат цветы сирени,
И дымы, как рога оленей, туманы дыбят.

Утренний каблучный прищелк остановит фазу.
Остановка, полная интуристов,
Не вмещает в мозг заблужденья фразу.
Брось цыганской песней в ветрах монисты.

Под мостами — шелк воды и прохлада вазы.
Солнышко зашло, как скворец в скворечник.
Реченька поет всем свои рассказы
О шербургских зонтиках междуречья.

***
Распускается нежным цветом душа —
Ты в ней бурным соцветием сакуры поселился.
Раскрываешь окна в садик, и не спеша,
Мы выходим в лунном свете родиться.

Снова заново жить, воздух счастья глотать с тобой,
Петь малиновкой, исчезать, растворяться
под одним плащом с тобой — продлевать объятья
до восхода, становиться святой.

Небо сладко кружит звездами и следит,
Как сиамский кот,
за движеньями межпланетных
кораблей исполненья мечтаний. Уже заметно,
что исполнилось главное:
птичий готов синклит
обсуждать оттенки соцветий, расстоянье полос
на тигровых лилиях, крайне хищных.
И другой цветок травянистое голенище
маскирует в траве среди зыбких вечерних ос.

Дыхание в виноградной беседке
Прекрасная белизна,
Мои ледяные крыши,
Я с вами живу неслышно,
Высот моих крутизна

сама — отраженье слов,
просвеченных льдом соцветий.
Их добрый ангел заметил
И растопил, добела
свет раскалил внутри,
вынув резную чарку —
звездных молитв качалку
в блеске цветов зари.
Узел ветров цветет
и разливает йод, —
В небе роза восхода
к тебе, мой ангел, идет.
Не прикрывай огонь,
как лепестки от сердца.
Можно просто погреться —
Только руку мне тронь.

Кот на запястье лежит,
Вены мне шеей грея.
Речка под кожей бежит,
В волнах своих наглея.
Встретить твой край выбегают,
Полным азартом играют.
Шепот огня через край —
Это рай.

Птицы на ветках сидят,
Перышко счастья летает,
Волны встречает и знает
сердце, как бурю длят
вихри твоих волос,
наших встречных дыханий.
Танец моря летами
длится, небом пророс.
Птица синей стекла,
выполосканного морем,
пеньем под волны вторит,
розами цвесть могла.

***

Стучали ходики, надсадно капал кран.
Я думала, эмоции — капкан.
Свет растворяет призраков когтями.
Шатучий мох ветвей, зеленый луг,
Крадется мимо веточка—паук.
Подстерегая в воздухе плетями.

Теней чертежник приоткрыл шатер
и уши путника слегка протер —

прозрачность принимай за очевидность.
Звучанье утра в трепете осин,
А ты, как я, в мечтаниях один —
Не спросит Бог, как перейти в ликвидность.

Мысли с Декартом
Уже шутя, накличет хлад ворон
склевать и мусор, что обронен человеком:
пупсячьих тряпок тлен и шелуху со всех сторон,
свивающую в свинский образ века
тоскливый шелест из оркестра в шум
и восклицать: «Cogito ergo sum»*.
5 декабря 2025 г.
*Cogito ergo sum» — «Я мыслю, следовательно, я существую» принцип философии Рене Декарта.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАВАНДУ

***
Узна*ю* о тебе по осыпанным точкам лаванды,
выданным белизной подоконника—панды.
В стартовом небе дорожка бежала, как кошка,
И зацепила лаванду собою немножко.
И в лавандовых зарослях бегали дикие люди,
создавая волнение диких прелюдий.
От ошейников ничего не осталось,
разве шерсти помятой линючая жалость.
И тревожное счастье листало мгновения чуда,
проникая в листву торжеством абсолюта.
Неустанно чесались о кисточку стенки,
создавая уют и панно на побелке.
6 июня 2026

Стихи для Сашеньки

Только ласточки, как белки, верещат,
Стерегут оранжевых зайчат,
море жизни отдыхает на воде,
зайка солнечный на волнах в чехарде.

Зайка—зайка, это ли не ты
Подарил волнение, цветы,
И ушами радугу прядешь,
И бежит к тебе, поздравить, еж.

Белый свет, по сути, зайкин свет,
Потешается черемухе в ответ.
На ушах – большая стрекозы
И невинные, и длинные глаза.

10 июня 2026

***

Коле Садовнику, художнику
Шум в саду — транскрипция расцвета,
Шум в саду рождает звуки лета
На струне дождя—апологета
Звук рождает арию сюжета.

Лета символ в этом знаке жизни,
Жизнь сама, рассвет на крыльях чаек,
Взлеты к звездам, — их несметных стаек
Не считать, как не считать поленья
Для костра в саду стихотворенья,
Шума сердца. Струны—то капризны
В этом шуме светоотраженья
И на музыку переложенья.
4 июня 2026

***

Посвящаю Нине Щербак
Нет вопросов к матросам. За синей своей акварелью
Полыхающим чувством лишь вечное небо горит,
От воды насыщается руслом, пройдя все мгновенья,
Называющих жизнью рассыпанный времени вид.

Искрошилась матрешка в дождях, просыхая в рассвете
И своей многомерностью цвета легко веселя.
Сердце радует однозначность сюжета
В центре мира в блаженстве любви
тайным счастьем горя.
16 мая — 4 июня 2026

***

Не перевелись, не перелились к тебе мои слова,
сонными совятами отмеряемы.
Не передрались, не привыкли быть
не дослышанными, окрыляемыми.
И во сне родство к сердцу липнет, — жить
учит, норовя
завести слепой поводок, — ту нить
для мечты, тебя.
И летать одним, не врез*а*ться чтоб
в ветер над мостом.
Не найти в сердцах птиченьке сугроб —
снега нет,
чтоб отметить лапоньки крестом,
свет и след.
Нам, любя,

в чувствах переплыть океаны слёз
изнутри души.
Шепчет океан в закоулках грёз:
«Лена, поспеши!»
1 августа 2026 г

***

внуку Владику Макарову
Ты – бурная речка,
рожденная из родников,
где малой овечкой
из водораздела всех слов,
от сердца идущих,
рождалась на битву
душа
в поводьях молитвы,
в лагуне и куще
на влажные травы спеша.
Сюда солнце пало
на воду, меняя ход волн,
считая короны —
лучей поплавки, — произвол
сквозных отражений
во щебете водных птенцов,
на папоротник возложенье
пылания сотканных слов
из сока природы,
крыла молодого чутья,
на пламя восхода
идущего.
Пленка твоя
рожденного птицей —
в скорлупках, как небо, дрожит
в скрижалевых скрепах
огня, что как сердце, прошит
клеванием птицы,
вливанием родника.
Воздался сторицей
расцвет моего огонька.
16 марта 2026 г.

Пока тираны снова не проснулись

1.

***

Тайные мелодии моей души,
Поначалу уснувшие в кабриолете,
Убежали, истекая слезами,
и уснули на парапете,
И я услышала свет и звон

выбеленных ангелов на рассвете, —
Пели хвалу Богу со всех сторон
светлые ангелы эти.
А один играл на длинной трубе,
Взывая гимнами в небо,
Чтобы ангелы принесли на земле
Всем голодным в достатке хлеба.
И не стало б голода, смрада войн,
Жизни круг продолжался б двигаться.
Ангел, ты Бога побеспокой,
Чтобы не умерла Провидица.
2.
***
Пока тираны снова не проснулись,
Менять названия и облик улиц
И памятники ставить шулерам,
Чтобы сменить настрой, явился срам
«надрать хвосты» заезжим «мастерам»,
Пока уснул рычаг и руль безумиц,
И крутит белка жизни колесо,
Погибших нравов стрелочки столкнулись
И стали горизонтной полосой.
А ты их светлым взором успокой, —
Смотри, машины за ночь все «разулись»...
3.
***
Поверженный Дракон во Льве проснулся,
Спалив почти весь город, стороною
Прошел и попросился к Ною,
Спаситель занят был: «Дела, не суйся!»

Гремел очаг, доваривая кашу,
И на камнях шипя, резвился голод.
Обкраденные становились старше.
Печаль пришла, ей нужен только повод.
Склевали в*о*роны опухшие глазницы.
Повсюду воровство и флаги.
Ложь проедает чистые бумаги,
Привыкшие к печатям. Стынут лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.